

Казакхстанская

Третья

Начните с трилогии «Кровь и пот», затем возьмитесь за чтение его небольшого романа «Курляндия» и завершите свое увлекательное знакомство с творчеством этого неповторимого писателя дилогией «Последний долг» – и перед вашими глазами во всей полноте предстанет

жизнь нашего народа на протяжении целого столетия. Столетия, на которое пришлось смены эпох, трагические потрясения. Словом, то, что сделал Абе для казахской литературы, можно назвать настоящим подвигом. Писать о личности такого масштаба нелегко, поскольку нельзя объять необъятное. Уже не помню, когда я сблизился с ним... Скорее всего, это произошло в начале 90-х годов прошлого века. Кто был инициатором дружбы? Конечно же, он сам, так как, будучи по натуре закрытым человеком, Абе сам решает, с кем ему дружить, а с кем не стоит знать.

В середине 1980-х я, отравленный воздухом «антинурпеисовщины», который явственно витал в Союзе писателей Казахстана, оказался одним из тех, кто активно мешал ему выступить на очередном съезде литераторов республики с участием самого Динмухамеда Кунаева. Как я считал, этот талантливый писатель, но весьма высокомерный и капризный человек мешает работе нашей творческой организации.

Увы, я ошибался! И стыжусь своего поведения до сих пор!

Близкое знакомство на протяжении последних 20 лет перевернуло все мои представления о нем как о человеке. Оказалось, что я ничего не знал об этом удивительном художнике с тонкой и ранимой натурой.

Да, у него подчас невыносимый характер, да, он обидчив, да, он как ребенок верит наветам из уст недобрых людей. Но если он полюбил кого-то, то отдаст последнее. Не раз лично убеждался в том, что молва о нем как о прижимистом человеке не имеет под собой никаких оснований.

Мне посчастливилось выезжать с ним и за границу, и в разные уголки нашей страны. Частенько бываю у него дома. А потому могу уверенно сказать, что знаю этого человека.

Привлекает уже само его лицо – аристократическое, с высоким лбом, живыми, блестящими глазами. Если Абе в хорошем настроении, он как бы светится внутренней добротой, которая граничит с детской наивностью. Человека, который ему близок, он обычно берет за локоть или за руки и беседует с ним долго и неторопливо. Тут уж нужно набраться терпения и слушать его, может, даже несколько часов.

Внешне очень трудно определить, сколько ему лет: на протяжении последних двух-трех десятилетий он как бы застыл в одном возрасте. Глядя на прежние фотографии, я открыл для себя одну странность: чем старше Абе становится, тем красивее и благороднее он выглядит. Одевается по-современному, не по годам молодо, не признает галстуки. При этом абсолютно не страдает вещизмом.

По жизни Абе – большой аскет, хотя сам и не считает себя таковым. К питанию относится без особого пиетета, в поездках не требует дорогих апартаментов, довольствуется скромным жильем – лишь бы были соответствующие условия для работы. Но от доброго вина никогда не откажется.

Особо следует сказать о его работоспособности. Это настоящий трудоголик: даже достигнув столь почтенного возраста, Абе может сидеть за письменным столом по 16–18 часов ежедневно. Замечу, что практически всю свою жизнь он был и остается «свободным художником». Исключение составили несколько месяцев, когда он работал главным редактором журнала «Жулдыз». Поэтому он не знает, что такое рабочее время, служебная этика, субординация... Невольно вспоминается случай, когда он своим приказом хотел назначить меня вместо себя президентом Казахского ПЕН-клуба. Ему было невдомек, что это выборная должность!

Абди-Жамил Нурпеисов создал и возглавлял эту международную организацию более 20 лет, высоко поднял ее авторитет в мировом ПЕНовском движении, внес неоценимый вклад в ее финансовое положение. Именно он учредил премию Казахского ПЕН-клуба, которая по финансовой составляющей весомее Пулитцеровской премии – одной из наиболее престижных наград США в области литературы, журналистики, музыки и театра.

Его отличает исключительно требовательное отношение к собственному творчеству, к языку. Свои романы Абе скрупулезно правит до сего дня. Даже над обычным письмом он может просидеть целый день, переписывая его десятки раз. И это не преувеличение.

Ради того, чтобы помочь другу, поддержать его, он не пожалеет ни времени, ни сил. Интересна в связи с этим одна история. Как-то позвонил он акиму одной области и без обиняков спросил: «Слушай, мой дорогой! Ты читаешь газету (называет ее – *Б. Г.*)?» Тот отвечает: «Да, Абе, но, честно говоря, только иногда». – «Извини меня, старика, но в таком случае ты не патриот! Я завтра отправлю тебе 20 последних номеров этой газеты. Почитай, потом узнаю твое мнение!» Спустя некоторое время аким стал самым заинтересованным читателем этого издания...

Меня всегда поражает в нем какое-то особое жизнелюбие. Это проявляется и в его манере общения: неторопливый, но живой, звучный баритон, завораживающая речь, меткие замечания, неожиданные мысли – будто перед вами не 95-летний старец, а человек, находящийся в самом расцвете сил. Удивительная личность и феноменальный художник слова!

Я несколько раз был свидетелем того, как он отказывался от выступления по телевидению. «Не знаю почему, но когда на меня направляют телекамеру, я замираю от страха, как кролик перед удавом. Я будто теряю дар речи!» – признавался он мне. Полагаю, что дело тут в скромности Абе, который, даже будучи живым классиком национальной литературы, не любит публичности, саморекламы.

А красноречием его бог отнюдь не обделил. Я очень много раз слышал, как он выступает – на литературных встречах, на поминках в честь друзей и коллег, просто за дастарханом... Это всегда речь мудрого, интеллигентного человека, имеющего широкий кругозор и при этом собственный взгляд на жизнь, мыслящего логически стройно. И его негромкий, но завораживающий голос быстро подчиняет себе аудиторию.

Кстати, о кругозоре. Как-то мы гостили у талантливейшего писателя Смагула Елубая. Вместе с нами была известная пианистка, тогда ректор государственной консерватории Жания Аубакирова. Обращаясь к ней, Абе вдруг заговорил о музыке. Причем классической. Мы были просто поражены тем, насколько глубоко он знает этот мир. Абе рассуждал в том числе о необходимости синтеза классической музыки с народной, что позволит вывести казахские кюи на новый уровень, познакомить с ними широкий круг зарубежных слушателей.

Или можно вспомнить, как страстно он защищал казахский язык и талант Абая перед большим русским писателем Юрием Казаковым – это

целая легенда, которую надо передавать из поколения в поколение.
Впрочем, об этом как-нибудь в другой раз.

Да, как и у любого другого человека, у него есть недостатки и слабости,
но он у нас ОДИН такой! И мы должны дорожить тем, что он у нас есть.

Бигельды ГАБДУЛЛИН, Президент казахского ПЕН-клуба